

**КВАЛИФИКАЦИЯ ГЕНДЕРНОГО НАСИЛИЯ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ С
ПРИМЕНЕНИЕМ ИИ: ВЫЗОВЫ МЕЖДУНАРОДНОМУ ПРАВУ**

Сабирова Куванчай Бабамуратовна

Преподаватель университета Абу Райхон Беруний

Самостоятельный соискатель

***Аннотация:** В последние годы всё более распространёнными становятся деяния, совершаемые с использованием ИИ: создание и распространение дипфейков (deepfakes) порнографического характера без согласия лица, алгоритмически опосредованный киберсталкинг, автоматизированная генерация контента сексуального характера с применением персональных данных, а также усиление дискриминационных паттернов через системы принятия решений, обученные на гендерно-предвзятых данных. Указанные деяния, как правило, носят трансграничный характер, совершаются с участием множества факторов (разработчики, платформы, конечные пользователи) и не вписываются в традиционные составы преступлений, закреплённые в национальных законодательствах. Это создаёт значительные трудности для их квалификации на международно-правовом уровне и порождает ситуацию, определяемую в доктрине как «технологический разрыв в правоприменении».*

***Ключевые слова:** международное право, гендерное насилие, цифровая среда, искусственный интеллект (ИИ), квалификация преступлений, дипфейки (deepfakes), дискриминация, экстратерриториальная юрисдикция, трансграничный вред.*

Объектом исследования выступают международно-правовые нормы, принципы и институты, направленные на предотвращение и пресечение

насилия в отношении женщин и гендерного насилия, а также международные акты в сфере цифрового управления и искусственного интеллекта. Предметом исследования является правовая квалификация деяний, составляющих гендерное цифровое насилие с использованием ИИ, и системные вызовы, которые такие деяния создают для имплементации норм международного права. В качестве гипотезы выдвигается предположение о том, что существующие международно-правовые механизмы не позволяют адекватно квалифицировать указанные деяния в силу трёх ключевых факторов: объектного (специфика ИИ как технологии, способной автономно создавать, масштабировать и персонализировать акты насилия, что размывает традиционное понимание причинно-следственной связи); субъектного (рассредоточенность ответственности между множеством акторов при отсутствии чётких международно-правовых критериев её распределения); процессуального (отсутствие унифицированных подходов к сбору доказательств, экстерриториальному применению норм и признанию вреда, причинённого в цифровой среде, в качестве основания для международно-правовой защиты)¹.

В настоящее время международное право не содержит единого универсального акта, прямо запрещающего гендерное цифровое насилие с применением ИИ. Действующие инструменты — Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (СЕДОВ), Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин

¹ Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (принята 18 декабря 1979 г. резолюцией 34/180 Генеральной Ассамблеи ООН) // United Nations Treaty Series. Vol. 1249. P. 13.

и домашним насилием (Стамбульская конвенция), а также формирующиеся режимы регулирования ИИ, включая Рамочную конвенцию Совета Европы об искусственном интеллекте и правах человека и ИИ-акт Европейского союза, — не предлагают чётких критериев квалификации таких деяний и не устанавливают механизмов распределения ответственности между разработчиками, цифровыми платформами, государствами юрисдикции и конечными пользователями. Данный нормативный пробел ставит под угрозу реализацию принципов недискриминации, права на частную жизнь и доступа к эффективным средствам правовой защиты, что обуславливает необходимость комплексного международно-правового анализа.

Цель исследования заключается в том, чтобы на основе комплексного анализа международных договоров, актов «мягкого права», прецедентной практики международных договорных органов и Европейского суда по правам человека разработать теоретическую модель квалификации гендерного цифрового насилия с применением ИИ, а также предложить пути гармонизации международно-правовых подходов к установлению ответственности. Для достижения этой цели в работе ставятся задачи, включающие: выявление и систематизацию форм гендерного цифрового насилия с использованием ИИ по критерию способа применения технологии; анализ пределов экстра territorialного применения прав человека в контексте трансграничного распространения ИИ-контента; обоснование распространения обязательства должной осмотрительности (due diligence) на разработку и развёртывание ИИ-систем; разработку критериев квалификации рассматриваемых деяний как пыток, жестокого обращения или

дискриминации по смыслу международных договоров о правах человека с учётом технологической специфики².

Научная новизна исследования определяется тем, что в работе впервые в рамках международно-правовой доктрины проводится системное разграничение форм гендерного цифрового насилия с применением ИИ по критерию способа использования технологии (ИИ как орудие, как среда, как субъект автономного причинения вреда). Формулируются критерии квалификации таких деяний как «пытка», «жестокое обращение» или «дискриминация» по смыслу международных договоров о правах человека с учётом технологической специфики. Обосновывается концепция «должной осмотрительности» применительно к разработке и развёртыванию ИИ-систем как обязательства государств по предотвращению гендерного насилия, включая распространение этого обязательства на негосударственных акторов через призму Руководящих принципов ООН в области бизнеса и прав человека. Выявляются пределы экстратерриториального применения прав человека в контексте трансграничного распространения ИИ-контента и формулируются предложения по развитию института универсальной юрисдикции в данной сфере.

Практическая значимость исследования состоит в разработке рекомендаций по имплементации его выводов в нормотворческую деятельность Организации Объединённых Наций, Совета Европы, Европейского союза, а также в формировании позиции государств при

² Henry N., Powell A. Technology-Facilitated Gender-Based Violence: A Conceptual Framework // Violence Against Women. 2018. Vol. 24, No. 5. P. 529–551.

заклучении будущих международных соглашений в области ИИ и цифрового насилия³. Материалы исследования могут быть использованы для совершенствования национальных законодательств в части квалификации киберпреступлений на гендерной почве и для подготовки судебных экспертиз по делам, связанным с применением ИИ.

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. Гендерное цифровое насилие с применением ИИ представляет собой самостоятельную категорию деяний, не сводимую к традиционным составам кибернасилия или дискриминации, что требует разработки специальных международно-правовых подходов к квалификации.

2. Ключевым критерием квалификации выступает не только характер причинённого вреда, но и степень вовлечённости ИИ-системы: от использования ИИ как пассивного орудия до ситуаций, когда алгоритмические решения автономно воспроизводят или усиливают гендерное неравенство.

3. Ответственность государств за нарушение обязательств по предотвращению гендерного насилия должна распространяться на сферу разработки, регулирования и надзора за ИИ-технологиями, включая обязанность обеспечивать прозрачность алгоритмов и доступ к правосудию вне зависимости от юрисдикции местонахождения нарушителя.

4. Существующие механизмы международного сотрудничества (взаимная правовая помощь, экстрадиция) недостаточны для эффективного

³ Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием (Стамбульская конвенция) (ETS № 210) (принята 11 мая 2011 г.).

пресечения трансграничного гендерного цифрового насилия с использованием ИИ, что обуславливает необходимость заключения специализированного международного договора или принятия универсального факультативного протокола к одному из действующих договоров по правам человека.

Таким образом, предлагаемое исследование направлено на восполнение пробелов в международно-правовой доктрине и формирование основ для эффективного правового реагирования на новые формы гендерного насилия, порождённые развитием искусственного интеллекта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (принята 18 декабря 1979 г. резолюцией 34/180 Генеральной Ассамблеи ООН) // United Nations Treaty Series. – Vol. 1249. – P. 13.
2. Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием (Стамбульская конвенция) (ETS № 210) (принята 11 мая 2011 г.).
3. Council of Europe Framework Convention on Artificial Intelligence and Human Rights, Democracy and the Rule of Law (CETS No. 225) (adopted 17 May 2024).
4. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence

(Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. – 2024. – L 1689.

5. UN Guiding Principles on Business and Human Rights: Implementing the United Nations ‘Protect, Respect and Remedy’ Framework (2011) (HR/PUB/11/04).

6. Recommendation CM/Rec(2022)4 of the Committee of Ministers to member States on combating gender-based violence online (adopted 30 March 2022).

7. Balkin J.M. The Fiduciary Model of Privacy // Harvard Law Review Forum. – 2020. – Vol. 134. – P. 11–33.

8. Chesney R., Citron D. Deepfakes and the New Disinformation War: The Coming Age of Post-Truth Geopolitics // Foreign Affairs. – 2019. – Vol. 98. – P. 147–155.

9. Henry N., Powell A. Technology-Facilitated Gender-Based Violence: A Conceptual Framework // Violence Against Women. – 2018. – Vol. 24, No. 5. – P. 529–551.

10. Kuner C. Extraterritoriality and Regulation of International Data Transfers in EU Data Protection Law // International Data Privacy Law. – 2015. – Vol. 5, No. 4. – P. 235–245.